

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2020.92.1.026

Актуальные вопросы уголовно-правовой квалификации действий организованных преступных групп

Исаев Эльнур Халидович

Адъюнкт,

кафедра уголовного права и криминологии,

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1;

e-mail: isaev_elnur@mail.ru

Аннотация

Наиболее значимой особенностью современного преступного мира является его способность к самоорганизации. Данная особенность получила широкое распространение в преступных кругах на территории современной России, где структуризации или принципу иерархии в криминальных кругах уделяется повышенное внимание. Возможно, именно эти черты организованных преступных групп являются основными причинами низкого уровня раскрываемости тяжких и особо тяжких преступлений, так как преступные группы организуются для совершения преступлений именно этих категорий. В то же время государство не остается в стороне от возникшей проблемы и разрабатывает меры по профилактике организованности в преступной сфере, создавая специализированные подразделения по борьбе с данным видом преступности, усиливая наказание для участников организованных групп на законодательном уровне. Но как показывает практика указанных мер недостаточно не только для искоренения организованной преступности, но и хотя бы для ее сдерживания и профилактики, в связи с чем данная статья посвящена рассмотрению вопросов квалификации деятельности организованных преступных групп, дана правовая оценка их деятельности, в ней обозначена недостаточность разработки уголовно-правовых признаков организованной группы, что порождает отсутствие правового инструментария необходимого для качественного и эффективного противодействия субъектов, осуществляющих противодействие организованной преступности.

Также в статье освещается вопрос квалификации как института уголовного права, с помощью которого определяется соотношение тяжести совершенного преступления и соответствующее ей наказание. Указанное понятие рассматривается в статье в связи с определенными проблемами, возникающими при его изучении, например, законодатель в Уголовном кодексе РФ не только не раскрывает понятие квалификации, но и не употребляет его на протяжении всего кодекса. Исходя из вышеизложенного, при написании статьи стояла необходимость рассмотрения вопросов, возникающих при изучении данных категорий, анализа взглядов ученых на возникающие при квалификации деятельности организованных преступных групп проблем, а также их предложения по устранению сложностей толкования норм законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Исаев Э.Х. Актуальные вопросы уголовно-правовой квалификации действий организованных преступных групп // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 1А. С. 216-224. DOI: 10.34670/AR.2020.92.1.026

Ключевые слова

Организованная преступная группа, квалификация, общественная опасность, правоприменительная практика, дифференциация.

Введение

Одной из тенденций современного криминального мира, пришедшей из недавнего прошлого, является повышение степени структуризации преступности, увеличение ее самоорганизованности. На сегодняшний день, к сожалению, следует констатировать тот факт, что Россия занимает далеко не последнее место в мире по такому показателю преступности, как ее организованность. Количество тяжких и особо тяжких преступлений против личности, общества, государства, их экономических интересов, совершаемых организованной группой, неуклонно возрастает. При этом высок уровень латентности совершаемых преступлений в составе организованных групп, прежде всего, ввиду их особой подготовки и некоторым другим особенностям.

Основное содержание

Спектр преступлений, которые входят в структуру деятельности организованных преступных групп весьма разнообразный и, зачастую, имеет множественное представление.

Признавая общественную опасность организованной преступности, государство предпринимает множество мер по противодействию данному виду преступлений. На законодательном уровне ужесточается ответственность за совершение преступлений в составе организованных групп, в структуре правоохранительных органов создаются специальные подразделения, специализирующиеся исключительно на противодействии организованным формам преступности. Однако, к сожалению, принимаемых мер зачастую оказывается недостаточно. В данном случае необходимо говорить, прежде всего, о недостаточной разработке уголовно-правовых признаков организованной группы. В результате у субъектов, осуществляющих противодействие организованной преступности попросту не оказывается правового инструментария, необходимого для качественного и эффективного противодействия ей. Следует констатировать, что на сегодняшний день отсутствует отчетливо выраженные признаки организованных преступных групп в нормах уголовного закона, а имеющиеся относятся к категории оценочных. Закрепленные в рамках уголовного закона обязательные признаки организованных групп также вызывают многочисленные полемики в теории уголовного права и правоприменительной практике. Справедливости ради отметим, что по своей юридической природе оценочные признаки не являются «величиной» постоянной, их границы довольно расплывчаты, что подчас не способствует точной квалификации преступлений.

Как известно квалификация выступает важнейшим институтом уголовного права, позволяющим оценивать совершенные преступные деяния и соотносить их с той или иной

нормой Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации при обязательном учете соответствующих норм Общей части данного нормативно-правового акта. Реализация института квалификации преступления позволяет с одной стороны обеспечить неотвратимость наказания, а с другой – не допустить нарушения принципа справедливости уголовного закона.

К вопросу о понятии квалификации преступлений подходили многие исследователи в сфере уголовного права. При этом следует отметить, что на сегодняшний день в теории уголовного права имеются различные взгляды на определение данного понятия. Во многом это вызвано тем, что законодатель не только не раскрывает понятие квалификации, но более того «вообще не употребляет его на протяжении всего кодекса» [Нешатаев, Векленко, 2015]. Учитывая важность исследуемого института, видится подобный подход, по меньшей мере, странным и необоснованным. Еще более странной ситуация делается при анализе норм уголовно-процессуального законодательства. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации неоднократно использует термин «квалификация»: квалификация преступления (ч. 3 ст. 39), квалификация общественно опасного деяния (п. 6 ч. 1 ст. 237), квалификация деяния (ч. ч. 1.3, 1.2 ст. 237) и квалификация содеянного (ч. 3 ст. 347). Но, несмотря на столь многократное употребление законодателем в УПК РФ термина «квалификация», он, однако, в ст. 5 данного закона, раскрывающей основные понятия уголовно-процессуального законодательства, также не дает ее определения. Постановления Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по уголовным делам содержат рекомендации по квалификации преступлений. Но определение квалификации отсутствует в этих постановлениях по отдельным категориям дел, как и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 «О судебном приговоре» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 «О судебном приговоре», 2017]. Таким образом, можно сказать, что законодатель, неоднократно используя понятие квалификации преступлений при конструировании отдельных норм различных нормативно-правовых актов, тем не менее, не раскрыл его как с точки зрения правовой терминологии, так и с точки зрения семантики данного понятия. В связи с тем, что законодательное определение термина квалификации нет, оно разработано уголовно-правовой доктриной.

На сегодняшний день наиболее часто применяемым определением квалификации преступления является точка зрения В.Н. Кудрявцева, ставшая уже в определенной степени классической. В соответствии с данной теорией, классификация преступлений представляет собой установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой [Кудрявцев, 2004]. При этом автор определения рассматривает квалификацию в двух значениях: как процесс и как результат. Как процесс - установление признаков того или иного преступления в действиях лица. Как результат - официальное признание и закрепление в соответствующем юридическом акте (постановлении следователя или органа дознания, обвинительном заключении, судебном приговоре или определении) обнаруженного соответствия признаков совершенного деяния уголовно-правовой норме [Кудрявцев, 2004].

Анализируя приведенное мнение, несмотря на его классический статус, нельзя с ним согласиться. Прежде всего, в данном случае возникают сомнения относительно использования в определении понятия «деяние». По какой причине правоприменитель должен соотносить именно совершенное деяние с признаками той или иной нормы Особенной части Уголовного кодекса? Дело в том, что деяние с уголовно-правовой точки зрения имеет несколько значений и

ни в одном из них оно не может быть применено в качестве объекта, подлежащего квалификации. Так, деяние может являться обязательным признаком объективной стороны преступления. Несмотря на важность подобного статуса, тем не менее, ни деяние, ни объективная сторона преступления не являются единственными или главенствующими признаками и элементами состава преступления, а соответственно, только на основании одного признака одного элемента состава преступления, сделать вывод о классификации преступления невозможно. С другой стороны, сам законодатель использует термин «деяние» при определении понятия преступления: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, 1996]. Однако, в таком смысле понимания понятия деяния, оно также не может быть использовано при раскрытии определения квалификации преступления. Помимо преступления, посягать на общественные отношения, охраняемые законом, могут также административные правонарушения, дисциплинарные проступки, гражданско-правовые проступки, имеют место быть и просто аморальные действия, никак не посягающие на правовые нормы, а только лишь на моральные устои. Первоначальной задачей квалификации как раз и является «отмести» возможность совершения иных видов посягательств, кроме как преступных, а потом уже устанавливать связь содеянного с конкретной нормой статьи Особенной части УК РФ. Таким образом, можно сделать вывод о том, что деяние, как термин не может быть использован при раскрытии понятия квалификации преступлений. В данном случае наиболее приемлемыми вариантами могут быть «посягательство», «действие (бездействие)».

Говоря о квалификации преступлений, совершенных в составе организованной преступной группы, можно отметить, что, изначально сложный в своей реализации правовой институт, приобретает еще большие трудности в претворении в правоприменительную практику. Данный тезис может быть подтвержден следующими аспектами. Во-первых, с одной стороны, деятельность участников организованной преступной группы отличается повышенной степенью совместности. Речь в данном случае идет как об объективных, так и о субъективных признаках. Во-вторых, с другой стороны, будет неверным сказать, что во всем действия и мысли участников преступной группы идентичны. Каждый из них выполняет четко отведенные ему действия, играя ту или иную роль в совершении общественно-опасного деяния. Каждый из них, вступая в организованную преступную группу и действуя в ее рамках, руководствуется отдельно взятыми, своими, дифференцированными мотивами. Поэтому, при квалификации действий участников подобных групп нельзя исходить ни с абсолютно единой точки зрения, ни с абсолютно разрозненной точки зрения, чем и объясняется сложность исследуемого правового института.

Уголовный кодекс Российской Федерации задал общий ориентир для квалификации действий участников организованной группы. Так, в соответствии с частью 1 статьи 34 УК РФ ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. Позиция законодателя в данном случае абсолютно верная. Суду при квалификации действий участников организованной группы, необходимо, прежде всего, исходить из дифференцированного подхода, устанавливая роль каждого участника организованной группы и то, как его действия повлияли на преступную деятельность группы. После установления роли каждого лица, которую он играл в организованной преступной группе, квалификацию необходимо производить исходя из данной роли. Рассмотрим особенности квалификации действий каждого

из участников организованной группы, в зависимости от того, какую роль они играли в организованной преступной группе.

Организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. В соответствии с частью 5 статьи 35 УК РФ, «лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных статьями 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом». Данное положение развило Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 10.06.2010 N 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 10.06.2010 N 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел, www...], в соответствии с пунктом 14 которого, «лицо, создавшее преступное сообщество (преступную организацию), его (ее) руководитель, а также лица, осуществляющие коллективное руководство таким сообществом (организацией), несут уголовную ответственность по части 1 статьи 210 УК РФ за совершение хотя бы одного из указанных в ней преступных действий, а также по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации за все совершенные другими участниками преступного сообщества (преступной организации) преступления без ссылки на часть 3 статьи 33 УК РФ и в том случае, когда указанные лица непосредственно не участвовали в совершении конкретных преступлений, но они охватывались их умыслом». На мой взгляд, хотя приведенная норма и относится к деятельности преступного сообщества и действиям лиц по созданию именно данного преступного формирования организованного характера, она в полной мере применима и к действиям создателя и руководителя организованной преступной группы. Говоря об ответственности организатора организованной преступной группы, необходимо отметить тот факт, что в случаях, когда создание подобной группы предусмотрено отдельным составом конкретной нормы статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве самостоятельного преступления, действия создателя такой группы квалифицируются только по норме указанной статьи и, соответственно, дополнительной квалификации по норме, предусматривающей ответственность за участие в ней, не требует. Данное правило имеет четко сформулированный характер и проходит лейтмотивом во многих решениях судов.

Говоря о других участниках организованной преступной группы, необходимо также сделать ссылку на часть 5 статьи 35 УК РФ в части касающейся, а именно: «Другие участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных статьями 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 настоящего Кодекса, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали». Отметим, что по вопросу квалификации действий иных, кроме организаторов, участников организованной преступной группы, имеется две противоположные точки зрения.

В соответствии с первой точкой зрения, ответственность исполнителя, пособника и подстрекателя, участвующих в преступной деятельности организованных преступных групп,

должна осуществляться с обязательной ссылкой на статью 33 УК РФ (за исключением случаев, прямо указанных в законодательстве и о которых мы упомянули выше). Так, в частности, Д.А. Янковский отметил, что «безусловно, по некоторым составам преступлений, совершенным в составе организованной преступной группы, дополнительной квалификации по статье 33 УК РФ не требуется. Однако ситуация далеко не однозначна в случаях совершения организованными группами преступлений, за которые в Особенной части ответственность установлена с указанием на наличие квалифицирующих признаков составов тех или иных преступлений либо вообще квалифицирующий признак совершения преступлений организованной группой не предусмотрен в статье уголовного закона. При подобных обстоятельствах отсутствие ссылки на ст. 33 УК ничем не обусловлено» [Янковский, 2014].

В соответствии со второй точкой зрения, участники организованной преступной группы должны нести ответственность исключительно по соответствующей норме статьи, закрепляющей то преступление, которое было совершено, без ссылки на статью 33 УК РФ. В защиту своего мнения, ученые приводят несколько аргументов. Во-первых, это прямые указания законодателя. Так, например, при конструировании состава преступления «Бандитизм», законодатель максимально точно и четко указал на все признаки данного состава преступления, в том числе криминализовав такие стадии совершения преступления, как приготовление и покушение. Соответственно, в этом случае в квалификации действий участников банды по статье 33 УК РФ необходимости нет, прежде всего, в силу того, что в «сами действия по созданию, руководству, участию в той или иной форме в организованных группах и преступных организациях являются непосредственным совершением указанных преступлений, т.е. в таких действиях состоит объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 209 и ст. 210 УК» [Сироткин, 2016]. Также, согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.01.2001 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.01.2001, www...] говорится: «Организованная группа - это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ». Во-вторых, это сущность самой организованной преступности. В частности, А.В. Кисин отмечает, что «организованная преступность сама по себе представляет собой институт повышенной общественной опасности, в основе которого заложена существенная детерминация совершения тяжких и особо тяжких, серийных, «профессиональных» преступлений. Соответственно ответственность всех, хоть как-то причастных к организованной преступности лиц, должна быть повышенной, соответствующей характеру и степени общественной опасности данной преступности» [Кисин, 2011]. Ю.А. Клименко также отмечает, что, для достижения своих целей члены организованных групп используют методы преступной деятельности, позволяющие им тщательно подготовиться к совершению преступления, распределить роли, подготовить пути к отступлению, ликвидировать препятствия, мешающие осуществлению их планов [Клименко, 2017]. И.Ю. Сироткин говорит о «сложившейся как на практике, так и в уголовно-правовой теории тенденции, в соответствии с которой, все участники организованной группы независимо от роли, которую они

выполняют в преступлении, признаются соисполнителями и, соответственно, согласно части 2 статьи 34 УК РФ, должны отвечать по статье Особенной части УК РФ, за преступление, совершенное ими совместно и без ссылки на статью 33 УК РФ» [Сироткин, 2016].

Заключение

Оценивая приведенные мнения и точки зрения, можно заметить следующее. Безусловно, правы те, кто говорит о повышенной общественной опасности организованной преступности и необходимости соответствующей реакции законодателя и правоприменителя на данный вид преступности. Однако, при этом данная реакция со стороны законодателя имеется. Она выражается как раз-таки в указании на конкретные виды преступлений, которые при совершении их организованной группой определяют соответствующие правила квалификации без ссылки на статью 33 УК РФ. В подобной ситуации распространять указанные, по сути, частные случаи на весь институт организованной преступности неверно. В противном случае, исключение, сделанное законодателем, скорее будет подчеркивать само правило, нежели исключение. Более того, во всем, что касается вопросов реализации уголовной ответственности, должен применяться принцип дифференциации, в соответствии с которым, каждый случай совершения преступления в составе организованной преступной группы по своему уникален и ему свойственны свои уникальные особенности. Так, например, в одном случае роль пособника может ограничиться малым, незначительным участием, а в другом – перерасти в реальное соисполнительство, без которого совершение преступления было бы невозможно. Поэтому, главенствующим в данном случае будет принцип дифференциации, при котором суд, исходя из требований законодательства, учета личности преступника, конкретных обстоятельств дела, принимает решение о квалификации действий участников организованной преступной группы в том или ином направлении.

Библиография

1. Нешатаев В.Н., Векленко В.В. Понятие квалификации преступлений // Российский следователь. 2015. N 21. С. 26
2. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. Москва: Юрист, 2004. С. 5.
3. Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 10.06.2010 N 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 8, август, 2010
4. Янковский Д.А. Ответственность участников организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. №6. С.151
5. Сироткин И.В. Ответственность участников организованных групп и преступных организаций // Концепт: № 12, 2016. С. 55
6. Кисин А.В. Правила квалификации преступлений, совершенных в составе организованной группы // Общество и право. 2011. №1 (33). С.115
7. Клименко Ю.А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Журнал российского права. 2017. N 4. С. 117
8. Сироткин И.В. Ответственность участников организованных групп и преступных организаций // Концепт: № 12, 2016. С. 57
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.01.2001 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве» // Российская газета, N 24, 09.02.1999
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ", N 1, январь, 2017

Actual questions of criminal-legal qualification of actions of organized criminal groups

El'nur Kh. Isaev

Adjunct,
Department of criminal law and criminology,
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
198206, 1 Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: isaev_elnur@mail.ru

Abstract

The most significant feature of the modern criminal world is its ability to self-organize. This feature has become widespread in criminal circles on the territory of modern Russia, where special attention is paid to the structuring or hierarchy principle in criminal circles. Perhaps these features of organized criminal groups are the main reasons for the low level of detection of serious and especially serious crimes, since criminal groups are organized to commit crimes of these categories. At the same time, the state does not remain aloof from the problem that has arisen and is developing measures to prevent organized crime, creating specialized units to combat this type of crime, increasing the punishment for members of organized groups at the legislative level. But as the practice of these measures shows, it's not enough not only to eradicate organized crime, but also at least to deter and prevent it, in connection with which this article is devoted to the consideration of qualifications of organized criminal groups, a legal assessment of their activities is given, it indicates the lack of development criminal-legal signs of an organized group, which gives rise to the lack of legal tools necessary for high-quality and effective counteraction of subjects affected combating organized crime.

The article also highlights the issue of qualifications as an institution of criminal law, with the help of which the ratio of the gravity of the crime and the corresponding punishment is determined. This concept is considered in the article in connection with certain problems that arise during its study, for example, the legislator in the Criminal Code of the Russian Federation not only does not disclose the concept of qualification, but also does not use it throughout the code. Based on the foregoing, when writing an article, there was a need to consider issues arising from the study of these categories, to analyze the views of scientists on the problems arising from the qualification of organized criminal groups, as well as their proposals for eliminating the difficulties of interpreting legal norms.

For citation

Isaev E.Kh. (2020) Aktual'nye voprosy ugolovno-pravovoi kvalifikatsii deistvii organizovannykh prestupnykh grupp [Actual questions of criminal-legal qualification of actions of organized criminal groups]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (1A), pp. 216-224. DOI: 10.34670/AR.2020.92.1.026

Keywords

Organized criminal group, qualification, public danger, law enforcement practice, differentiation.

References

1. Neshataev V. N., Veklenko V. V. Concept of qualification of crimes // Russian investigator. 2015. N 21. P. 26.
2. Kudryavtsev V. N. the General theory of qualification of crimes. Moscow: Yurist, 2004. C. 5.
3. The resolution of Plenum of the Supreme court of the Russian Federation of 10.06.2010 No. 12 "About court practice of consideration of criminal cases about the organisation of criminal community (criminal organization) or participation in it (her)" // the Bulletin of the Supreme Court, N 8, August, 2010
4. Yankovsky D. A. Responsibility of participants of organized groups and criminal communities (criminal organizations) // Gaps in the Russian legislation. 2014. No. 6. Pp. 151
5. Sirotkin I. V. Responsibility of participants of organized groups and criminal organizations // Concept: No. 12, 2016. Pp. 55
6. Kissin A.V. Rules of qualification of crimes committed as part of an organized group // Society and law. 2011. No. 1 (33). Pp. 115
7. Klimenko Yu. a. Rules of qualification of crimes committed in complicity // Journal of Russian law. 2017. N 4. Pp. 117
8. Sirotkin I. V. Responsibility of participants of organized groups and criminal organizations // Concept: No. 12, 2016. Pp. 57
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.01.2001 g. N 1 "on judicial practice in cases of murder" // Rossiyskaya Gazeta, N 24, 09.02.1999
10. The resolution of Plenum of the Supreme Court of 29.11.2016 N 55 "About the judicial sentence" // the Bulletin of the Supreme Court", N 1, January, 2017